

Григорий Саркисов

МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ

Коротко — о длинном

Григорий Саркисов

**Маленькие люди.
Коротко – о длинном**

«Издательские решения»

Саркисов Г.

Маленькие люди. Коротко – о длинном / Г. Саркисов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-04-017683-0

«Маленькие люди» — это, как уже догадался Читатель, книга о маленьких людях. Не ростом маленьких, и даже не должностью, и не кошельком. Таких маленьких людей каждый из нас знает предостаточно. У маленького человека и душа, и сердце, и помыслы, и поступки, — все меленькое. Они не плохие, и не хорошие, не глупые, и не умные, — никакие. Маленькие, одним словом.

ISBN 978-5-04-017683-0

© Саркисов Г.
© Издательские решения

Содержание

Маленькие люди	6
Сокращение	6
Засланец	7
Пропуск	9
Бутылочка	12
Складка	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Маленькие люди Коротко – о длинном Григорий Саркисов

*Ах, человека так легко обидеть!
Ты ближнему без дела не груби.
Плохое в человеке можешь ненавидеть,
Но человека самого – люби!*

© Григорий Саркисов, 2016

ISBN 978-5-4483-0552-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маленькие люди Коротко – о длинном

Сокращение

Президент отшвырнул газету и схватился за голову.

– Да что же это такое! – прошептал он. – Доколе?! Вот же, пишут, – за десять лет чиновников стало в два раза больше! Это же черт знает что!..

Президент тут же издал указ, – сократить количество чиновников вдвое. Из бюджета выделили деньги, и создали специальное Министерство Оптимизации. Министерство сократило старых чиновников, и посадило на их места новых. Но выбрасывать сокращенных на улицу было опасно, – сокращенные имели хорошие связи, – и старых чиновников решили взять обратно. Но их места уже заняли новые чиновники, и для старых чиновников пришлось придумывать новые должности. Этим занялась специально созданная Комиссия По Расширению Сокращения Штатов. По ее предложению создали Министерство Трудоустройства, укомплектованное старыми чиновниками. Работу Министерства курировало специально созданное и сплошь состоящее из старых чиновников Министерство Контроля, глава которого подчинялся руководителю специально созданного в аппарате премьер-министра Управления по дебиюкратизации, куда взяли еще не устроенных старых чиновников, которых разыскало специально созданное Управление Старых Кадров, где под руководством старых чиновников работали новые чиновники. Все это дублировалась в каждом регионе, ибо на местах виднее, кого сокращать, а кого возвращать.

Так оптимизация добралась до каждой деревни.

После того как новые Учреждения окончательно вписались в стройную Вертикаль Власти, выяснилось, что все старые чиновники уже работают в Учреждениях по трудоустройству старых чиновников. Но некоторые новые Учреждения по трудоустройству старых чиновников пустовали. Наверх полетели тревожные циркуляры о катастрофической нехватке государственных служащих в только что созданных Ведомствах. Проблему решила специально созданная Комиссия По Внедрению Управленческих Инноваций: пустующие места, выделенные для старых чиновников, заняли спешно набранные новые чиновники.

Вскоре Президент узнал из газет, что в результате сокращения вдвое количество чиновников увеличилось втрое.

С тех пор Президент перестал читать газеты.

От них вся беда.

Засланец

Слепой случай, граждане господа, иногда такое с человеком сотворит, что и во сне не увидишь. И думает человек, – то ли свезло мне, то ли черт со мной в прятки играет. А пока он думает, жизнь подбрасывает свежие сюрпризы.

В одном Учреждении работал чиновник.

Был он самый обыкновенный, в сереньком костюмчике, и фамилия у него была самая обыкновенная, – Березкин. Чем занимался он в Учреждении, никто толком не знал. Может, слева направо бумаги перекладывал, а может, и справа налево. Одно известно точно:

Березкина в Учреждении не замечали. На него постоянно налетали люди, и даже Начальники Отделов, а однажды на него налетел сам Главный Начальник! Поэтому Березкин ходил по длинному Государственному Коридору, прижавшись к побеленной стене, и если у нормальных людей спина белая только первого апреля, то у Березкина она была белая всегда.

И девушки Березкина не любили.

– Этот Березкин, – придурок, – говорила секретарша Главного Начальника, ногастая Людочка. – Виду нет, голос как у комара, к приличной девушке никакого подхода, ни даже шоколадки... И как таких в Учреждение пускают!

Когда прямой начальнице Березкина, старой деве Елизавете Валериановне, становилось скучно, она вызывала его, но в кабинет не пускала, и Березкин по два-три часа маялся на неудобном кожаном диване в коридоре.

– А что это мы тут расселись? – сурово интересовалась, выйдя из кабинета, Елизавета Валериановна. – Почему сидим в рабочее время, я спрашиваю?!

И Березкин, втянув голову в плечи, убежал.

Так продолжалось до тех пор, пока в Учреждение не устроился Пряткин. Он был большой шутник. Однажды, флиртуя с секретаршей Людочкой в курилке, Пряткин сказал:

– А, между прочим, наш Березкин – засланный казачок! Абсолютно, между нами, точные сведения. Вот вы думаете, он – отсюда, а на самом деле он – Оттуда! Одно слово, – засланец!

И выразительно пустил голубую табачную струю в такое же голубое небо.

Через час о Березкине шепталось все Учреждение.

– Представляете, оказывается, Березкин – Оттуда! – округлив глаза, рассказывала секретарша Людочка. И после паузы, которой позавидовали бы все старики МХАТа, добавляла зловещим шепотом:

– У него рука Там! Его прислал Сам...

Тут Лидочка называла фамилию, при одном упоминании которой сразу хотелось спеть государственный гимн. Особенно припев.

Учреждение гудело. Главный Начальник каждые полтора часа запирался с приближенными. А однажды из Главного Кабинета с криком «Откуда я знала?!» выскочила красная и заплаканная Елизавета Валериановна. Это случилось сразу после того, как любознательный кадровик Стукалов нашел двоих Березкиных в парламенте, трех – в полиции (двое служили, третий – сидел), одного – в Счетной палате, и еще одного – в журнале «Forbs». Этот, из журнала, значился в последних строчках, но, подсчитав число нулей в состоянии форбсовского Березкина, кадровик впал в кому, и пришлось вызывать «скорую».

Через день Березкина стали замечать в Коридоре Учреждения. При встрече ему пожимали руку даже Начальники Отделов, а секретарша Людочка срочно рассталась с бойфрендом Хачатуром Митрофановичем из Хозяйственного Управления, ибо Березкин оказался холостяком, и тут, как говорила Людочка, открывалось широкое поле.

Через неделю Березкина вызвали к Начальнику.

– Все, увольняют, – похолодел Березкин. – Не иначе, из-за мартовского отчета... Придется возвращаться в Козельск, к маме, в «хрущевку»...

– Что же это вы, братец ты мой, не заходите? – ласково пожурил Березкина Главный Начальник, встречая его в дверях Кабинета и усаживая на огромный мягкий диван. – Ведь ко мне, старику, всегда можно вот так, запросто, э-хе-хе...

До смерти перепуганный Березкин проблеял что-то вроде «да-а, с отчетом того... не того... я больше не буду...».

– Да забудьте вы про этот несчастный отчет! – махнул рукой Главный Начальник, другой рукой щедро подливая Березкину в кофе вкусный армянский коньяк «Наири». – Я вас почему позвал? Я вас потому позвал, братец ты мой, что мы вас в мои замы поставить хотим. Чтобы, значит, должность по человеку была, и человек – по должности, а то ведь нехорошо, знаете ли, такому ценному работнику прозябать в каком-то, хи-хи-хи, Подотделе Статистики! Это же мы не можем так разбрасываться ценными кадрами, правда? Особенно в такое время, когда... когда... ну, в общем, в такое время. Нет, не умеем мы еще с людьми, а надо... А если уметь надо, значит, надо уметь, чтобы иметь такие кадры, которые надо уметь иметь... Тут, братец ты мой, тонкая политика, и мы-то знаем, откуда ноги растут, а не то что в кустах... Потому что – Государство!..

Главный Начальник любовно посмотрел на Портрет Начальника Всех Начальников, привычным махом осушил рюмку, крикнул, и доверительно склонился к уху Березкина:

– Раньше-то мы в замы Елизавету Валериановну хотели, но после ее недосмотра с вами, – передумали. Не может она работать с кадрами, ох, не может... Да, машину с шофером вам уже выделили, но тут, сами понимаете, конец года, фонды подчистую выбраны, так что, пару месяцев, братец ты мой, придется поездить на «Ауди-8», а там что-нибудь придумаем... Ну, и оклад, конечно, сообразим, главбух в курсе... Что еще? Ага, вот, чуть не забыл, приемная у нас будет общая, ваш кабинет – напротив моего, и Людочка всегда в вашем... в нашем распоряжении. Ну, и я недалеко, так что, всегда милости прошу к руководящему шалашу, хи-хи-хи... А вы уж, братец ты мой, при случае, и про нас как-нибудь Там замолвите, а? Сами знаете, как хорошо мы работаем... эта... стараемся, так сказать, не жалея живота, в целях, значит, борьбы санкций наряду инновационного импортозамещения количества качества, которое... которого... Ну в общем, мы стараемся, а вы замолвите... Так замолвите?

– 3-замолвлю, – выдал из себя ошарашенный Березкин.

– Вот и ладненько! Нам теперь, братец ты мой, друг за дружку держаться надо, чай, одно дело делаем, чтобы, невзирая трудностей, иметь друг друга в делах, которые... которых... Ну, ты понял.

– Понял, – сказал Березкин.

...На следующее утро Березкин сидел в Большом Кабинете и долго смотрел на телефон. Наконец, поднял трубку, подержал в руке, словно взвешивая, набрал номер, и сказал уверенным баритоном:

– Елизавета Валериановна? Зайдите ко мне! Срочно!

Потом позвонил секретарше:

– Людмила, как придет Елизавета, скажи, чтобы в коридоре посидела, я пока занят... Когда освобожусь? Не знаю. Пусть ждет... Да, и еще. Пусть Стукалов принесет личное дело Пряткина. Нам тут шутники не нужны!

Березкин посмотрел в окно, за которым шумел Большой Город, и улыбнулся.

Жизнь налаживалась.

Пропуск

Пропуск, господа, – великое дело. Без пропуска и человек не человек, а так, унылая фигура у турникета. И тут тоже истории случаются.

Был у нас знакомый, Упыркин. Работал в газете, статьи строчил на любую тему, что твой пулемет, и главный редактор его уважал вплоть до любви. Да что там главный редактор: сам мэр ему премию вручил, руку жал, и даже чокнулся! Упыркин эту мэрскую премию сразу в дело пустил: купил жене шубу, чтобы не бухтела насчет нечего надеть.

Словом, был человек счастлив на почве востребованности и, конечно, от зарплаты.

Но однажды, под самый Новый год, у одной Очень Важной Начальницы, Анестезии Автандиловны Крабовой, испортилось настроение. Известное дело, у женщины настроение может испортиться на ровном месте. Допустим, наденет она новое платье, идет счастливая, как будто ее сам Стас Михайлов поцеловал, а навстречу – дура в таком же платье! Мужу это тьфу, а для женского пола – трагедия неимоверная. Но если обыкновенная женщина после такого страшного случая отыграется на муже, или, при удачном раскладе, на све-крови-змее, то у дамы-начальницы возможностей в сто раз больше. Она не то, что мужа, – целое учреждение сжует, не поморщится. А если мужа нет, – тем более схрумкает, на почве нерастраченной любви.

И вот, придя как-то на работу в свирепом настроении, увидела Анестезия Автандиловна газету, – как раз ту, в которой работал Упыркин. Черт ли подложил ей эту газету, или какая другая сволочь, – этого мы не знаем. Факт, что Анестезия Автандиловна вцепилась в нее, как солдат во вражеский кадык.

– Какой дурак станет в наш век Интернета читать эту бумажную простыню? – сказала мадам Крабова. – Закрывать газету к чертовой бабушке!

Конечно, сразу у нее настроение улучшилось, и румянец на принципиальной щеке заиграл.

Так и прикрыли газету в один миг. Всю редакцию от зарплаты отключили, включая Упыркина. Хорошо, одна знакомая его выручила, пристроила в Большое Учреждение.

– Тебе, – говорит, – там хорошо будет. Ты же писучий, а тут всего и дел, – докладец Главному Начальнику накропать, поздравления и прочие некрологи от его имени. С твоей набитой рукой ты эту хурду-мурду будешь рисовать левой ногой!

И вот пришел Упыркин на новую работу, да в первый же день и прокололся. На совещание его позвали, насчет нового доклада Начальника. А проводила совещание Ендова Аполинарьевна Затворникова, этого Начальника генеральная помощница. И вот уже в конце совещания она расчувствовалась:

– Мы-то тут целой толпой один доклад пишем, а у нас такой умный Начальник, что сорок минут говорить способен, ни разу в бумажку не заглядывая!

И прослезилась согласно субординации. Ну, все сидят, люди как люди, щеки надули, глаза в стол уперли, – сопереживают, значит, какой Начальник необыкновенно умный.

Тут Упыркин, дурья башка, и брякнул:

– А чего бы, – говорит, – ему в бумажку заглядывать, когда он один и тот же доклад через день в разных местах читает? Это же любой дурак запомнит, тем более, если он – Начальник...

Что тут с Ендовой Аполинарьевной случилось, – это можно прямо в ужасном кино снимать.

– Да как, – кричит, – у вас на нашего Начальника язык поднялся такое сказать?! Да таких, как он, прямо на мраморе высекают!..

А Упыркин, гад, не понимает:

– Я, – говорит, – и сам бы его на мраморе высек...

Это он, значит, пошутил так, игрой слов побаловался, балбес. А все, кто на том совещании был, испугались, чуть под стол не полезли. Один даже слуховой аппарат из уха выдернул, – мол, не слышал я ничего... Ну, Затворникова эти упыркинские веселые слова накрепко запомнила. И решила ответно шуткой по шутке ударить. С тех пор, что бы Упыркин ни написал, – доклад ли, поздравление с юбилеем или, напротив, некролог, – Затворникова тут же категорически браковала

– Мне, – говорит, – интересно знать, где вы видели такой грустный некролог, в то время как шутки покойника раздавались даже в Управлении по борьбе с коррупцией?!

И переделывать заставляла. Упыркин как-то сто тридцать два раза поздравительную телеграмму переделывал, чуть с ума не сошел. Домой потом вернулся, и жене говорит:

– Уважаемый Виссарион Махмудович, сердечно поздравляю вас с Днем рыбака!..

Насилу его тогда откачали, даже к потомственному экстрасенсу водили, и всего за десять тысяч рублей тот промыл Упыркину ауру, а в порядке бонуса – открыл третий глаз.

И вот Ендова Аполинарьевна так шутила-шутила, а потом стала думать, как от неправильного Упыркина избавиться.

И придумала.

В то Учреждение вход был только по пропускам. Стоит турникет, около турникета – полицейский. Кто в Учреждении работает – у тех карточки магнитные. Приложил карточку, зелененький огонек зажегся, – проходи себе на здоровье. А простые люди по разовым пропускам проходят. Тут все просто: звонит секретарь из приемной Начальника полицейскому при турникете, и говорит ему фамилию, которую надо пропустить. Полицейский фамилию в свой журнальчик записывает, – и человеку турникет открывает.

Упыркину-то пропуск был положен постоянный, но Ендова Аполинарьевна приказала пропускать его только однократно. Чтобы, значит, каждый день с утра из приемной звонили на этот предмет полицейскому.

Кто-то, конечно, скажет, – ну и какая тут разница? Но так скажет только негосударственный человек. А государственный человек Затворникова знала, что в приемной Начальника работают очень забывчивые дамы. И пока им несколько раз не позвонят да не напомним, – пропуска не закажут. Этот профессиональный склероз Ендова Аполинарьевна для борьбы с Упыркиным и использовала.

Он утром в Учреждение приходит, – нет пропуска.

– Вы в моем журнале не записаны, и я вас, уважаемый, пропустить никак не могу, – разводит руками полицейский.

А Упыркин спешит, ему срочно некролог сдавать надо, а еще поздравление с Днем бортпроводника. Звонит в приемную:

– Алло, вы забыли заказать мне пропуск!

– Да что вы говорите! – там удивляются. – Сейчас посмотрим... Ага, точно, забыли. Ну, ничего, мы мигом полицейскому позвоним, и он вас пропустит. Ждите.

Он ждет, а они не звонят. Забыли.

Упыркин опять в приемную названивает:

– Алло, вы забыли заказать мне пропуск...

– Да что вы говорите! Сейчас посмотрим... Ага, и правда, забыли! Ну, ничего, мы мигом полицейскому позвоним, и он вас пропустит. Ждите.

Он ждет. Они не звонят. Опять забыли...

Как только Упыркин с этим секретарским склерозом не боролся! И на бумаге свою фамилию красиво писал, и к компьютеру в приемной эту бумажку приклеивал, и ящик рыбных консервов для фосфора секретаршам дарил, – все равно, забывают ему пропуск заказать! Каждый день – забывают!

Ну, Упыркин и не выдержал. Пришел однажды в приемную, и говорит тамошней даме:
– Извините, нельзя ли мне пропуск каждый день без лишних напоминаний заказывать?

По-моему, вы обязаны это делать...

Дама, конечно, ему сразу культурно ответила.

– Как это так, – кричит, – меня, заслуженную женщину умственного труда, обливают грязью какие-то неизвестные интеллигенты! Я, может, на ответственной работе три аборта сделала, а они мне еще будут замечания указывать, паразиты! Идите и не мешайте работать, сволочь!..

Тут же по Учреждению побежал слух, что Упыркина медом не корми, только дай поскандальить. Пошла Ендова Аполинарьевна к Начальнику и намекнула:

– Упыркин мало того, что пишет скучные некрологи, так еще и женщин заслуженных оскорбляет, работать заставляет!

– Да что вы говорите! – покачал головой Начальник. – Работать?! Ай-яй-яй!

– Это еще не ай-яй-яй, – говорит Ендова Аполинарьевна. – Он и вас не уважает! На море, говорит, высеку дурака...

Ну, тут Начальник сразу всем своим государственным лицом покраснел, крякнул и крикнул:

– Чтобы ноги этого Упыркина в моем Учреждении не было!

В тот же день Упыркина и уволили.

Нет, граждане, что ни говорите, а без пропуска человек – и не человек вовсе, а так, фигура у турникета.

Очень, между нами говоря, унылая фигура.

Бутылочка

День на скучной работе тянется медленно, как фильм с плохим сценарием, тупым режиссером, бездарными актерами и совсем уж безнадежным оператором, которому впору снимать учебное кино о стрижке баранов. А если еще и погода не располагает, – тут уж совсем категорически паршиво.

...Свирепеев привычно толкнул дверь кабинета, плюхнулся в кресло, и уставился в окно, на стену дома напротив. Стена была шершавая и серая, как понедельник.

– Напиться, что ли? – пробормотал Свирепеев, машинально перебирая бумаги на столе. – Или не напиваться? Потом ведь изжога будет, и башка затрещит, и жена...

Свирепеев посмотрел на шкаф. Там, за папками «Входящие» и «На доклад», томилась заветная бутылочка настоящего шотландского виски, подаренная Свирепееву на прошлый день рождения. Относить домой бутылочку он не стал, – таможенного досмотра супруги Аделии Кузьминичны не прошел бы и опытный колумбийский наркокурьер, а тратить виски на гостей Свирепеев не хотел.

Так и ждала своего часа бутылочка.

– Напиваться, пожалуй, не стоит, – решил Свирепеев. – А вот рюмочку насыпать – это да. Чего вкусняшке шотландской зря без дела томиться? Ну-ка, где она у нас тут?

Свирепеев раздвинул папки «Входящие» и «На доклад», облизнулся, – и замер. Бутылочки не было.

– Это как же? – обиженно протянул Свирепеев. – Это что же... Это кто же?!..

Бывает же так: кажется, близко счастье, вот-вот ухватишь его за хвост, но только человек протянет руку, – а там и нет ничего. Показалось, значит.

– Это какая же собака мою бутылочку сперла? – размышлял Свирепеев. – Маргарита Ахундовна из планового? Она-то здесь чаще других бывает... Нет, вряд ли, ей же на пенсию скоро, зачем ей виски?.. Или секретарша Мариночка? А этой на кой ляд в руководящих шкафах рыться? И не пьет Мариночка, она по другой части...

Свирепеев задумался. Потом хлопнул себя по покатому лбу.

– Ну, точно! – шепотом вскрикнул он. – Как же я сразу не догадался! Это Мурашкин! Только он сюда без меня и заходит, когда доклад готовит. И в этом квартале тут шастал, – документы, говорит, подбирал... Вот он, подлец, оказывается, что подбирал! Нет, точно, Мурашкин бутылочку увел. Только он и мог!

– Марина! – позвал Свирепеев. – Мурашкина ко мне!

Через минуту перед Свирепеевым стоял щуплый человек в остромодном лет тридцать назад костюме.

– Ты что же это, Мурашкин, вытворяешь? – сурово спросил Свирепеев. – Как же это ты мог себе допустить, я интересуюсь знать?

– Что?! – испугался Мурашкин. – С докладом что-то не так?

– Ты мне докладом зубы не заговаривай! – заорал Свирепеев и стукнул кулаком по столешнице. – Прямо отвечай – был там?!

Свирепеев указал пальцем на шкаф.

– Был. Документы искал...

– Знаю я, какие ты документы искал! – опять заорал Свирепеев. – В стеклянной таре ты документы искал! И нашел! И выпил всю... документацию!

– Я не...

– Молчать! Пиши по собственному!

– По какому писать? – не понял Мурашкин.

– Пиши – прошу уволить меня по собственному желанию! Если, конечно, не хочешь по статье, за утрату моего доверия...

– За что, Иван Израилевич?!

– Тамбовский волк тебе Иван Израилевич! Ну, написал? Все, свободен!

Свирепеев вырвал листок с заявлением из рук оторопевшего Мурашкина, и опять вытянул руководящий палец, – на сей раз в сторону двери.

Прошла неделя.

Свирепеев вызвал секретаршу.

– Тут такое дело, сегодня ко мне приедут из министерства. А они только виски употребляют, так что надо бы бутылочку прикупить. Или лучше три. Вот тебе деньги... Только дешевку абы какую не бери, поняла? Прямо сейчас и иди, они вот-вот приедут...

– Иван Израилевич, а у вас тут целая бутылка виски стоит. Еще со дня рождения!

– Стоит, говоришь? – горько усмехнулся Свирепеев. – Ничего тут не стоит.

Он подошел к шкафу и распахнул дверцу.

– Видишь? Раньше стояло, а сейчас уже не стоит! Была бутылочка – и сплыла...

– Никуда она не сплыла, – всплеснула наманикюренными пальчиками Мариночка. – Вы же ее сами перепрятать приказали...

– Я? Когда?!

– Ой, а вы не помните? Как раз еще из главка к вам приезжали... этот...

– Куроедов?

– Ну да, Куроедов. И другой... с носом...

– Тупикян. И что?

– Вы тогда были немного... как бы это сказать...

Мариночка смущенно замолчала.

– Ну, говори, говори, – потребовал Свирепеев. – Не тyani кота!

– Вы выпили немного... много, – решила, наконец, Мариночка. – А потом меня подозвали и шепнули, чтобы я вашу бутылку перепрятала. Вы еще сказали, что за себя не ручаетесь, а бутылочка вам потом самому пригодится, и вы не желаете ее на этих халявщиков из главка тратить...

– Ну, а дальше-то, дальше что?

– Дальше? Дальше вы водку пили...

– Ну, это понятно, а потом что было?

– Вы с Куроедовым в чехарду играли, пока не заснули, а Тупикян на столе лезгинку танцевал...

– Какую лезгинку?! Я спрашиваю, что с виски случилось?

– Да ничего не случилось. Я эту бутылку тихонько забрала из шкафа, и, как вы приказали, перепрятала.

– Где она?!

– У вас в столе должна быть. В нижнем ящике посмотрите.

Свирепеев ринулся к столу, рванул к себе нижний ящик, и обомлел, – оттуда на него смотрела красивая бутылочка шотландского виски!

– Не понял, – пробормотал Свирепеев. – Это как же... Это что же... А я думал, Мурашкин все выдул...

– Да что вы, Иван Израилевич, – махнула рукой Мариночка. – Мурашкин у нас язвенник, потому что трезвенник... ой, трезвенник, потому что язвенник. Ему вообще ни капельки нельзя...

На следующий день Мурашкина восстановили на работе. И правильно, – у нас кадры на дороге не валяются. Тем более, трезвые.

А Свирепеев с тех пор виски разлюбил.

Складка

Женщину, служащую в Учреждении, видно издалека. Она подтянута, неброско одета и еще более неброско причесана, но главное ее отличие от всех остальных дам, – государственное выражение лица. Сразу видно: эту женщину обуревают не мысли о новом рецепте борща, или, скажем, о подозрительной эсэмэске в телефоне мужа. Ее думы – о больших задачах, стоящих перед Учреждением, и о том, как эти задачи решить. От этого на лбу у таких женщин прорезается особая, Государственная Складка.

И даже если однажды придет такая дама к пластическому хирургу, ни за что не позволит она убрать Особую Складку, этот бесспорный след правильного хода мысли. И правильно сделает. Говорят, одна Руководящая Женщина после непродуманного хирургического вмешательства даже Потеряла Доверие Вышестоящей Инстанции, и для Возвращения Доверия ей пришлось вернуть Складку на место, причем на этот раз – за свой счет!..

...До Большой Карьеры и Государственной Складки, а тем более до Доверия Инстанций Зиночке было далеко. Она трудилась в Отделе Входящих всего год. Зиночка была маленькая и худенькая, и Начальница Отдела, Мальвина Бархударовна, звала ее просто – «девочка».

– Девочка, найди-ка письмо за номером 136/67/998-В, – просила Мальвина Бархударовна.

– Сейчас – мгновенно отзывалась Зиночка, и через минуту письмо лежало на руководящем столе.

– Девочка, включи чайник, кофейку хочется, – просила Мальвина Бархударовна.

И уже через три минуты перед начальницей исходила вкусным паром чашка кофе.

– Вот все бы так работали, – говорила Мальвина Бархударовна, – давно бы коммунизм наступил. Или даже капитализм...

Работы у Зиночки было много. Она приносила почту, раскладывала по папкам и подшивала входящие письма, относила письма на подпись в Канцелярию, а однажды принесла письмо прямо в Приемную Генерального Начальника!

Словом, девочка росла.

В личной жизни у Зиночки ничего особенного не происходило. Институтские подружки как-то разом повыходили замуж, родили детишек, и созванивались с Зиночкой только для того, чтобы поздравить ее с Новым годом. Не было у Зиночки и молодого человека, – если, конечно, не считать молодым человеком пятидесятилетнего Семена Викторовича, лысого женатого доцента, изредка – но все реже и реже, – остававшегося у Зиночки на ночь. Потом доцент исчез навсегда, в пустой квартире Зиночку никто не ждал, и она отдавалась работе. Зиночка приходила в Отдел первой, уходила последней, аккуратно выполняла все команды Мальвины Бархударовны, и числилась в ее любимицах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.